

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ ВЫЯВЛЕНИЯ САМООГОВОРА В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ**П. В. СУРВИЛЛО***(Представлено: канд. юрид. наук. Е.В. ДЕХТЯРЕВ)*

Анализируются особенности обнаружения самоговора в ходе предварительного следствия. Рассматривается понятие самоговора, его существенные признаки, также различные существующие способы выявления его следователем. Проведенное исследование позволяет утверждать, что в зависимости от вида самоговора, а также от личности обвиняемого, возможны различные тактические варианты проведения отдельных следственных действий.

Подозреваемый (обвиняемый), движимый чувством раскаяния или по иным обстоятельствам (убедившись в бесплезности отрицания вины, поскольку она подтверждается доказательствами по уголовному делу), признает свою вину в совершении преступления. Известны также случаи, когда человек, не совершавший преступления, в силу различных причин добровольно принимает на себя ответственность за содеянное. Поэтому при получении показаний, в которых подозреваемый или обвиняемый сознается в совершении преступления, нельзя исключать самоговора, который нередко встречается на практике.

В научной литературе под самоговором понимают «заведомо ложные показания подозреваемого по поводу его мнимой причастности к совершенному либо несовершенному преступлению» [1, с. 11]. Среди причин самоговора традиционно выделяются такие: незаконные методы допроса и иные незаконные меры воздействия; ошибка или заблуждение обвиняемого в юридической оценке своих действий или относительно фактических обстоятельств дела; неблагоприятная процессуальная обстановка, когда собранные по делу обстоятельства создают впечатление виновности обвиняемого и он приходит к выводу, что ему выгоднее признать себя виновным; уловка обвиняемого, когда, сознавшись в совершении более легкого преступления, он надеется избежать наказания за более тяжкое преступление, совершённое им в действительности; желание оградить интересы близкого ему лица и т.п. [2, с. 50].

Особого и самостоятельного рассмотрения требует вопрос о разоблачении самоговора. Речь идет о выявлении признаков самоговора и его опровержения как одного из возможных результатов проверки полученного признания. Относя показания обвиняемых к судебным доказательствам, закон требует их тщательной, всесторонней и объективной проверки со стороны лица, производящего дознание, следователя, прокурора и суда. Это требование распространяется на любые показания, как те, в которых обвиняемые отрицают свою вину, так и те, в которых признают ее. Указанное положение применительно к признанию прямо записано в законе, предписывающем использовать его в качестве основы обвинения «лишь при подтверждении совокупностью имеющихся по делу доказательств». Таким образом, необходимость глубокой проверки признания прямо вытекает из закона. Неоспорим тот факт, что самоговор наносит вред процессуальной деятельности органов следствия и дознания, отвлекая внимание от борьбы с преступностью, т.к. влечет за собой юридические ошибки, приводя к ненужным затратам сил и средств [3, с. 34].

Некоторые авторы делят признания лица себя оговорившего на две части: содержащую достоверную информацию и вымышленную, что позволяет выявить характерные признаки каждой из них [4, с. 96]. Что касается объективно правильных данных, содержащихся в самоговоре, то они чаще всего ограничены такими элементами события, которые были доступны постороннему наблюдению или усматриваются из последствий преступления, обнаруженных следов. Об этом подследственный мог узнать от лиц, причастных к преступлению, очевидцев, участников следственных действий, из слухов, сообщений СМИ и т.п. Участие в допросе также служит источником осведомленности, ибо допрашиваемому разъясняется суть возникших в отношении него подозрений; он уведомляется об обстоятельствах дела как прямо, так и в результате постановки различных вопросов. Приняв решение о самообвинении, допрашиваемый, как правило, использует эту информацию, кладет ее в основу ложного признания. Следовательно, эта часть показаний подследственного обычно не выходит за рамки известной следователю информации.

Исследование самоговора требует также анализа условно выделяемой во второй его части, содержащейся в нем ложной информации. Поставленный перед необходимостью разъяснения ряда обстоятельств, еще не познанных следствием, допрашиваемый в меру своего разумения прибегает ко лжи, нередко приравливая к логике ложного признания действительно имевшие место события и факты.

Случай, когда допрашиваемый излагает полностью вымышленные сведения, встречается значительно реже и характерен для лиц, оговаривающих себя в силу какого-либо душевного заболевания. Если у здоровых допрашиваемых самоговор вызван конкретными мотивами, то у психически больных само-

оговор является результатом болезненных побуждений. Иногда следователю приходится допрашивать лиц, о которых ему к моменту допроса неизвестно, что они страдают психическими болезнями, лишаящими их возможности отдавать отчет в своих действиях и руководить своими поступками. В числе допрашиваемых могут оказаться и лица, имеющие отклонения в психике, которые не приводят к невменяемости, но в то же время существенно влияют на достоверность их показаний. Такие допрашиваемые приписывают себе преступления, которые совершены другими лицами или же обвиняют себя в преступлениях, вообще не имевших места, являющихся результатом болезненного фантазирования или постороннего внушения. В частности, случаи самооговора встречаются у олигофренов, что вызывается у них желанием быть в центре внимания, приобрести известность [5, с. 70]. При подозрении следователя, дознавателя о наличии у подозреваемого, обвиняемого психического заболевания необходимо назначать ему судебно-психиатрическую экспертизу.

По мнению С.П. Щербы, особо сложно выявить самооговор подозреваемого, обвиняемого, когда причинами этого явились незаконные методы ведения дознания сотрудниками оперативных служб, которые с целью «раскрытия преступления» за определенные снисхождения в режиме содержания уговорили обвиняемого взять на себя это преступление. Обвиняемые в таких случаях редко называют следователю причины своего «раскаяния», и при проверке показаний ложь разоблачить трудно, поскольку сотрудники оперативных служб разъясняют обвиняемому, какие следует давать показания. Вместе с тем в рассматриваемой ситуации следователя должно насторожить то, что показания подозреваемого, обвиняемого носят как бы однообразный, заученный, стенографический характер. К однажды данным показаниям он уже ничего не дополняет, не уточняет их [6, с. 55].

Одним из средств выявления самооговора является тактически правильно спланированный и проведенный повторный допрос. При самооговоре показания лица о преступных деяниях обычно носят расплывчатый, неопределенный и отрывочный характер. В таких ситуациях называются лишь отдельные, общие фрагменты преступления без его детального описания. Проверка показаний с целью выявления самооговора осуществляется следующим образом: необходимо максимально подробно допросить подозреваемого, обвиняемого и выявить такие детали, которые известны только исполнителю, установить его преступную осведомленность. Подробно допросить о способах совершения преступления, причинах, побудивших его стать на преступный путь, и обстоятельствах, которые способствовали совершению преступления. Также для выявления самооговора могут быть использованы различные приемы распознавания ложных показаний: предъявление доказательств (оглашение показаний других обвиняемых или свидетелей, предоставление вещественных доказательств); психологическое наблюдение за допрашиваемым; демонстрация осведомленности следователя о ложности показаний допрашиваемого; использование оперативных данных; использование нетрадиционных средств допроса (полиграф), косвенный допрос и т.д. Таким образом, допрос обвиняемого должен быть детальным, показания проверены и критически оценены.

Достаточно хорошо иллюстрирует возможности комбинированного применения тактических приемов с целью разоблачения самооговора следующий пример. По делу о разбойном нападении необходимо было установить, кто из семи обвиняемых нанес смертельное ножевое ранение потерпевшему. Вначале каждый из них заявлял, что о ножевом ранении ему ничего неизвестно. Спустя некоторое время самый младший из них – несовершеннолетний И. – заявил, что ножевое ранение нанесено им. Однако на вопросы следователя о расположении ран, направлении, количестве ударов И. не смог ответить. Возникло предположение, что его уговорил или заставил взять вину на себя подлинный убийца. С целью проверки своего предположения следователь поочередно вызывал на допрос остальных соучастников и каждому объявлял, что И. «сознался». В связи с этим он просил обвиняемых уточнить их прежние показания. Пятеро заявили, что не видели, как И. нанес ранение, и лишь один К. подтвердил это обстоятельство. В связи с таким заявлением следователь поставил К. ряд вопросов о количестве ударов, их направлении и т.п., на которые не сумел ответить И. Ответы К. совпали с выводами судебно-медицинской экспертизы. Так правильно и обстоятельно мог ответить лишь тот, кто сам это сделал. Таким образом, ответы допрашиваемого явились результатом его виновной осведомленности. Дальнейшим расследованием это подтвердилось [7, с. 100].

Одним из способов выявления самооговора является проведение такого следственного действия как проверка показаний на месте. Суть этого следственного действия заключается в том, что показания которого проверяются, указывает место, где происходили те или иные связанные с расследуемым преступлением события, о которых он ранее сообщил в своих показаниях, данных при допросе. В ходе проведения этого следственного действия следователь устанавливает, в какой мере сведения, содержащиеся в показаниях, соответствуют или не соответствуют фактической обстановке на месте воспроизведения показаний и другим установленным по делу обстоятельствам. Сопоставляя результаты этого следственного действия с другими, имеющимися в деле данными, следователь получает возможность сделать вывод о достоверности или недостоверности проверяемых показаний.

Важно понимать, что в случаях, если посредством проведения проверки показаний на месте факт самоговора не будет опровергнут, результаты следственного действия будут оцениваться как серьезное обвинительное доказательство, подтверждающее обоснованность предъявленного обвинения. Однако при этой ситуации не исключается, что обстоятельства дела стали известными обвиняемому не потому, что он участвовал в совершении преступления, а потому, что он узнал это в результате небрежно сформулированных вопросов, подсказок, подслушанных разговоров и т.д. В силу изложенных причин, следовательно необходимо принимать соответствующие меры (в том числе и через органы дознания), исключающие поступление к обвиняемому или подозреваемому какой-либо информации относительно обстоятельств расследуемого преступления, места происшествия, расположения отдельных объектов и т.д.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что самоговор усложняет ход расследования, направляет его по «ложному пути», тем самым препятствует установлению истины и решению задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. Все это создает угрозу осуждения невиновных лиц, следовательно, избавления от наказания преступников, которые могут совершить новые преступления. В связи с этим сотрудникам правоохранительных органов необходимо уметь своевременно выявлять самоговор, для чего существуют тактические и психологические приемы его распознавания в ходе таких следственных действий как допрос, проверка показаний на месте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрухин, И. Самоговор / И. Петрухин // Советская юстиция. – 1970. – № 13. – С. 11–13.
2. Кузнецов, А.Н. Доказывание самоговора и другие аспекты регулирования дознания в сокращенной форме / А.Н. Кузнецов // Тр. Акад. Упр. МВД России. – 2015. – № 2(34). – С. 50–53.
3. Савкин, А.В. Причины самоговора и его доказывание / А.В. Савкин // Проблемы предварительного следствия и дознания. – М. : Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД России, 1996. – 61 с.
4. Ушаков, О.М. Теоретические и практические проблемы тактики допроса лица, склонного к даче ложных показаний : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.М. Ушаков. – Владивосток, 2004. – 189 с.
5. Закатов, А.А. Ложь и борьба с нею / А.А. Закатов. – Волгоград, 1984. – 191 с.
6. Щерба, С.П. Деятельное раскаяние в совершенном преступлении : практ. пособие / С.П. Щерба, А.В. Савкин. – М., 1997. – 110 с.
7. Коновалова, В.Е. Допрос: тактика и психология / В.Е. Коновалова. – Х. : Консум, 1999. – 157 с.

УДК 343.971

СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МАТЕРИНСТВА: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В.А. ЧОБОТ

(Представлено: канд. юрид. наук В.П. ШАРИКОВА)

Рассмотрены содержательные признаки феномена материнства и представлены варианты возможных искажений традиционно-ценностной модели взаимодействия матери и ребенка, обусловленные сложностями реализации материнства в современных условиях. Описаны негативные последствия возможных искажений.

Феномен материнства изучается различными науками: историей, культурологией, медициной, физиологией, биологией поведения, социологией, психологией и криминологией. Каждая наука исследует и определяет материнство, исходя из своих целей и задач. Интерес к комплексному изучению материнства появился сравнительно недавно и обусловлен ухудшением демографической ситуации и качеством трансформаций социального института семьи, распространением новых установок и стандартов взаимодействия матери и ребенка.

Само по себе материнство можно рассматривать с двух сторон – как фактор, обеспечивающий условия для полноценного и всестороннего развития ребенка (конкретно материнско-детские взаимоотношения), и как особая часть личности женщины-матери (удовлетворение потребности быть матерью) [1, с. 12]. Только с появлением ребенка – происходит принятие женщиной социальной роли матери. Этап принятия данной роли эксперты определяют как особый период, который характеризуется согласованием «родительских установок женщины, ее представлений о себе как матери, социальных ожиданий окружающих, перестройкой личностных смыслов и т.д.» [2, с. 5].

В настоящее время определенные изменения претерпело содержание роли женщины в обществе. Значительно повысился уровень образования и профессиональной подготовки женщины, ее стали воспринимать не только как мать, но и как независимого делового социально-активного субъекта. Молодые